

МОРИС РАВЕЛЬ МАДАГАСКАРСКИЕ ПЕСНИ НА СТИХИ ЭВАРИСТА ПАРНИ

Никогда Равель не смог бы написать эти песни, если бы не встретился с поэзией Эвариста Парни. У Пушкина есть множество его переводов и подражаний в «лицейских» и более поздних стихотворениях до 1824 г. Он упоминается также в «Евгении Онегине». Желая похвалить Батюшкова, Пушкин называет последнего «русским Парни», а говоря о Баратынском выражает надежду, что он «превзойдет французского поэта».

Вот что пишет Е.Г.Эткинд в своей работе «Поэзия Эвариста Парни»:

«.....Он не принадлежит к числу тех великих поэтов, которых называют "вечными спутниками" человечества: имени его никто не произнесет в одном ряду с именами Данте, Гёте, Гейне, Шекспира, Байрона, Гюго, Пушкина, Мицкевича. В этом забвении сказывается столь часто встречающаяся историческая несправедливость. Тем более, что забыто имя Парни, но не его поэзия - в особенности в России. Кто же не помнит прекрасных стихов юноши Пушкина "Добрый совет" (около 1818 года), проникнутых радостным приятием жизни, легким изяществом и светлой печалью:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть.
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.

Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.

Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отымем
Все, что отымет у ней.

Многие ли знают, что это перевод из Парни? Заключительное афористическое двусишье передано Пушкиным с редкой точностью, воспроизводящей даже столь важный здесь повтор глагола. У Парни это звучит так:

Et derobons a la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

Derobons – dérober
Отымем – отыметсЯ

Виконт Эварист де Парни родился 6 февраля 1753 года в городе Сен-Поль на острове Бурбон (с 1793 года Реюньон) в Индийском океане, восточнее Мадагаскара. Вот чем объясняется его внимание к этой земле, выплеснувшееся его Мадагаскарскими песнями.

Первая песня и сразу имя, которого не забыть – «Nahandove»!
Кричит ночная птица и полная луна даёт свой сумеречный свет. Он падает на мои волосы, увлажнённые молодым розовым вином. Время остановилось.

Постель из листьев для тебя.
По ней цветы я разбросал.
Ты где-то близко от меня!
Твоё дыхание я узнал.

Начальный звук флейты лениво повторяет один и тот же ход, меняя только его ритм. Губы шепчут: Nahandove! O belle Nahandove!

Я касаюсь её набедренной повязки, отчего захватывает дух: это ты, это ты – Nahandove!

Равель меняет размер, возвращается обратно, опять меняет, усиливая нетерпение.

Ты полна неги, твой рот приоткрыт, дыхание частое, тело трепещет от желания. Движение твоей груди живое под моей рукой, сжимающей её! Ты улыбаешься. Ах, твои поцелуи наполнены соком, твои ласки сжигают меня: остановись, остановись или я умру от наслаждения! Следуют акцентированные толчки на каждом втором слоге её имени. Nahándove, Nahándove! Crescendo, diminuendo, crescendo, diminuendo, crescendo ... экстаз! Последние два акцента уже в низкой тесситуре. Più animato. Вторая волна любви накрывает их, не давая опомниться. Восьмые сменяются шестнадцатыми, акценты резко учащаются, пение переходит в бормотанье. Глубокое и долгое crescendo сменяется subito *P*, но следующий вал доводит до кульминации. Ritardando, Tempo I, Ritardando, Più lento. Ещё две вспышки благодарности и восторга на accelerando.

Лениво играет флейта. Педаль нажата на 6 тактов и аккомпанемент смазывается всё больше и больше. Звон её браслетов удаляется. Не уходи, не уходи! Пауза. Демпфера опущены. Её запах растворился в ночи. Стало тихо. Только листья грустно шелестят: Nahandove, o, belle Nahandove!

Вторая песня

Ауа! Ауа! Не доверяйте белым! Во времена отцов они приплыли на наш остров. Пусть ваши женщины обработают для нас эту землю. Мы будем вам братьями. Так они обещали, но потом они соорудили форт и спрятали гром в бронзовые рты. Их священники захотели дать нам Бога; и, наконец, заговорили о повиновении и рабстве. Нет, нет, скорее смерть! Резня была долгой и ужасной, и, несмотря на молнию, что изрыгали жерла их бронзовых слуг, они все были перебиты. Ауа! Ауа! Не доверяйте белым! Они увидели, как нас много и какие мы сильные. Наши боги навели на них дожди, бури и отравленные ветры. Их больше нет, а мы живем свободными.

Третья песня

Я лежу под густым деревом и жду, когда же придёт свежий вечерний ветерок. Вокруг тихо и покойно. Глаза мои полузакрыты и я сладко дремлю. Мимо, неспешно покачивая бёдрами, проходят женщины, они приближаются ко мне, и я слышу, как они начинают петь о молоденькой девушке, которая легко и проворно плетёт циновку. Её пальцы быстры и грациозны. Они поют дальше, и вот она уже прячется за рисовым полем и начинает охотиться на птиц. Своё пение они сопровождают танцем. Они поют и танцуют для меня. Я ощущаю колебание воздуха, вот они совсем рядом, их движения замедлены. Как мне хорошо здесь!

Луна осветила деревья в горах. Лёгкий порыв свежего вечернего ветерка сдул с меня видение. Мимо проходят мои служанки, ничем не покачивая. Эй, пойдите и приготовьте мне что-нибудь, я есть хочу.

Три совсем разные песни, но по стилю сразу же чувствуется, что авторы французы.

В первой песне певец должен постараться показать всю красоту любовной близости, все возможные интонации героя, таинственность и эротичность туземки, природу, дающую опьяняющую новизну ощущений. В этой песне можно использовать весь динамический спектр чувств, показать очарование мелодической экзотики, красоту трио аккомпанемента. Эта песня должна быть очень хорошо впета, т.к. только в этом случае, возможно полноценное использование богатейшей нюансовой палитры.

Вторая песня. Парни с детства хорошо знал жизнь чернокожих рабов. В своих письмах он писал: «Я зрю лишь тиранов и рабов, и не зрю себе подобных. Что ни день, человека обменивают на лошадь; не могу привыкнуть к столь возмутительной дикости».

Французская революция отменила крепостное право во Франции, Наполеон продолжил это в Европе. Парни в своих стихах призывает покончить с рабством везде. Но лишь в 1896 году, через 82 года после смерти Парни, Франция отменяет рабство на Мадагаскаре.

В этой песне голос певца должен звучать призывно и звонко. Вся песнь идёт на едином дыхании, несокрушимо двигаясь к цели. Крик «Ауа» должен показать мощное желание свободы; для большей достоверности, хорошо бы его спеть в фольклорной манере.

В третьей песне Равель вновь возвращается к лирике Парни, но здесь акцент направлен скорее на созерцательный характер изложения, однако в конце песни мечты героя прерываются настолько прозаически, что это невольно вызывает улыбку. Одной из задач, стоящих перед исполнителем, показать тонкое чувство юмора обоих авторов.

Мадагаскарские песни – одна из жемчужин импрессионизма. От певца требуется показать черты, присущие этому стилю, продемонстрировать изящество французского языка, передать сказочную природу и свободолобие жителей Мадагаскара.

Равель выходит на совершенно иной уровень, он становится уже признанным мастером не только религиозной темы («Еврейские песни»), любовной лирики («Песни Дон-Кихота»), фольклора древнейшей страны («Греческие песни»), африканской экзотики («Мадагаскарские песни»), и вспомним мы, как почти четверть века назад, Равель, ещё в молодые годы, задумал работу над своим интернациональным вокальным наследием, стоя перед совершенно иным, непознанным и оттого притягательным миром, имя которому: фантастический и таинственный азиатский эпос – «Шехерезада».

Рубен П. Лисициан